

Случаи распространения определяемого существительного двумя местоименными формами исследователи отмечают для древнерусского языка, например: на столе своего ему отца...; в церкви своей ему... Л. Я. Маловицкий полагает, что в таких случаях было недостаточно употребления дательного падежа для выражения посессивного значения и он подкреплялся другим притяжательным местоимением [Маловицкий 1972: 153]. Функционирование таких конструкций в древнерусском языке говорит о свойственности их более древнему состоянию славянских языков. Но для доказательства этого положения необходим больший фактический материал.

В современных сербохорватских текстах также находим редкие случаи с дательным падежом личных местоимений, осложнённых другими притяжательными местоимениями: *Осјећао сам се сапет у отјешњало одијело и дотрајале ципеле, сметале су ми моје рођене исувише дуге руке и неспретне ноге...* [Ђопић 1978: 29]. Два таких случая отмечены в переводе трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов»: Где су нам наши први племићи, кнежеви Сицки и Шестунови и Романови, нада народна? [Пушкин 1950: 47]; *Јуродиви (плаче) Узели су ми моју копјејцицу, увредили Николицу* [Пушкин 1950: 87].

В зачинах, припевах народных песен наблюдаются примеры дательного падежа местоимения в клятвах, в таких случаях утрачивается конкретное значение принадлежности дативной конструкцией: *Па удара себе у срдашце, И умрије, жалосна јој мајка!* [Караџић 1841: 480]; *Јунак коњу говори: «Стани, коњу, жив ти ја!»* [Караџић 1841: 453]; *Умре Јово, жалосна му мајка!»* [Караџић 1841: 430].

Таким образом, наши выводы не противоречат наблюдениям исследователей: в текстах сербских народных песен имеет распространение конструкция с дательным принадлежностью местоимения, что свидетельствует о её употребительности в разговорном языке. Больше представлены случаи с дательным местоимения, осложнённым объектным значением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрейчин Л. Грамматика болгарского языка. М., 1979.
2. Белић А. Историја српскохрватског језика. Београд, 1962. Књ. 2, св. 1.
3. Караџић В. Стеф. Српске народне пјесме. У Бечу. 1841. Књ. прва.
4. Лалевих Миодраг С. Синтакса српскохрватскога књижевног језика. Србије, 1962.
5. Маловицкий Л. Я. История предметно-личных местоимений русского языка в семантико-синтаксическом аспекте: Автореф. дис ... канд. филол. наук. Л. 1972.
6. Пушкин А. С. Борис Годунов. Београд, 1950.
7. Радичевић Б. Песме. У Новом Саду, 1867.
8. Ђопић Б. За својом војском. Београд, 1978.

Людмила Александровна Летаева
ОСОБЕННОСТИ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ГАЛЛИЦИЗМОВ
В ЧАСТНОЙ ПЕРЕПИСКЕ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

Материалы частных переписок (официальных, деловых, дружеских, семейных) свидетельствуют о разнообразии и широте употребления галлицизмов в живой речи образованной части русского общества: от автоматического включения данной лексики в контекст русских высказываний в качестве нейтральных наименований предметов и понятий до своеобразного кода информации при обсуждении щепетильных качеств, характеристик тех или иных

Надежда Ильинична
БОЙКО (ШИХАЛЕЕВА),
 выпускница 1976 г.
 Сейчас — председатель
 комитета ЗАГС администрации
 г. Тюмени

Филология сама по себе захватывающая наука, дающая совершенно определенный образ мышления, совершенно определенное отношение к жизни, к людям, к миру. Это наука, формирующая систему ценностей, кроме того, наука, дающая способность глубже и яснее воспринимать человеческую жизнь как трагедию и как драму бытия.

Филолог — это обязательно мыслитель.

И еще — он обязан быть нравственным человеком.

личностей, употребления в качестве модных формул общения, эвфемизмов, усиления экспрессивности или подчеркивания вежливости.

Иноязычная лексика в достаточно богатой и содержательной эпистолярной литературе второй пол. XVIII в. все еще не стала, к сожалению, объектом лингвистического исследования. Обращение к источникам этого жанра представляется весьма перспективным. В первую очередь это обусловлено тем, что суждение о роли французского языкового материала в обогащении словарного состава русского языка можно строить лишь на основании полного изучения языковой ситуации в России второй пол. XVIII в., с учетом охвата самых различных памятников, в том числе лежащих за пределами собственно литературной речи. Частные переписки являются письменной фиксацией живого употребления языка образованной частью русского общества. Они наиболее близки разговорному языку того времени как одному из главных источников формирования литературного языка. В этом плане есть все основания говорить об отражении

в данных памятниках всех особенностей языка в тесной связи с притоком французских заимствований.

Наблюдения над текстами писем убедительно показывают, что в них с достаточной полнотой отражена сложная, но реальная языковая действительность изучаемого периода, и в частности степень участия французского языкового материала в обиходно-разговорном языке различных социальных слоев русского общества. В исследуемый период этот способ общения стал обычным и прочно вошел в жизнь, хотя эпистолярный жанр как таковой еще не сложился: авторы, с одной стороны, руководствовались практикой живой устной речи, а с другой — использовали письменную традицию. В частных письмах отражен язык интеллигентных кругов, двуязычных носителей собственно литературного языка. А роль двуязычных лиц, по мнению исследователей, состоит в том, «... что их собственное особое речевое поведение... является при определенных условиях образцом подражания и распространения в среде одноязычных... Эта речевая практика по тем или иным причинам влиятельна... Оказиональное, возможное первоначально в двуязычной среде, постепенно становится узусом широких слоев одноязычного общества, чертой национального языка» [Биржакова 1972: 7].

Язык писем не обработан мастерами слова путем тщательного отбора языковых средств: он отражает непринужденное, свободное общение в неофициальной обстановке, и следовательно — письменную фиксацию того языкового материала, в том числе и французского, который использовался повседневно, вошел в привычный лексикон и в той или иной степени ассимилировался в русской речевой практике. В письмах отражена непосредственная, естественная речь. Здесь

присутствует образ автора, который представляет себя сам, произвольно или намеренно демонстрируя адресату свою просвещенность в духе времени. В письмах отражена языковая картина общения: как говорили, так и писали. Поэтому здесь зафиксирован объективный характер проявления русско-французского двуязычия в его нейтральной или стилистически значимой формах.

Состав галлицизмов в частных переписках непосредственно подчинен их тематике и виду: официальные, деловые, дружеские, семейные. Официальные предполагают, безусловно, деловой характер, посвящены конкретным проблемам и в зависимости от этого актуализируют соответствующую лексику: военное дело, строительные и архитектурные сооружения, проекты и т. п. Но авторы писем при этом обязательно обмениваются информацией и на бытовые, житейские темы, новостями об окружающих их людях, общих знакомых и происходящих событиях. Тематика дружеских и семейных писем целиком посвящена бытовой сфере, личной жизни (свадьбы, помолвки, рождения, состояние здоровья, развлечения, материальное благополучие), хотя затрагивает и круг профессиональных интересов, а также проблемы литературной и театральной жизни. В выборе языковых средств авторы, с одной стороны, использовали практику устной разговорной речи, а с другой, — налицо книжные традиции. Большую роль играет индивидуальный, личностный фактор: эстетические вкусы, формы выражения мысли, особенности словоупотребления.

Проанализированные нами авторы — билингвы: члены высших кругов, официальные должностные лица, представители аристократического сословия, государственные чиновники либо деятели культуры, литературы, а также их друзья и члены семей. Анализ речевого поведения авторов-билингвов и механизма выбора средств одного из языков их репертуара может быть особым объектом исследования в плане изучения функционирования французского языка в России. В рамках статьи предполагается лишь общий обзор языковых средств и их функций в эпистолярных памятниках.

Учет характера ситуации общения играет немаловажную роль. Д. К. Жанэ, наблюдая французский язык в речи персонажей И. С. Тургенева, отмечает, что стиль общения зависит от статуса и социальных ролей его участников. Если различия такого рода значительны, то мы имеем дело с ситуациями формализованного общения, то есть официального. Если же эти различия теряют свою значимость или сводятся на нет, то это неформализованное, то есть неофициальное общение [Жанэ 1977: 23-48].

Тексты писем чаще всего включают попеременно ту и другую ситуацию. При официальном общении выбор языковых средств зависит от индивидуальных вкусов авторов, а также, как отмечал Р. А. Будагов, от языковых навыков отдельных классов или всего общества. При неофициальном общении выбор языка больше зависит от субъективных факторов, однако социолингвистические нормы поведения также не следует сбрасывать со счетов.

Вариативность речевого поведения в зависимости от характера ситуации общения четко обнаруживается и при анализе текстов писем. В официальной обстановке французский язык используется, как правило, в тех случаях, когда у пишущего чаще всего нет возможности выразить русское название какого-либо понятия. Наибольший вес в общем количестве таких галлицизмов занимают термины либо нейтральные наименования объектов, их качеств:

... по завладении Александриєю оставте тамо для гарнизона прибывшия к вам три баталіона с половиною...; Генерал Сент-Андре может також у вас пробыть сколько надобно и возвратиться в главную квартиру.; К. Г. Толстому о преимуществах оффенсивной войны перед дефенсивной... (ФС, т. 20, с. 6); Ваше превосходительство! удостойте меня ответом Вашим. Я желал бы знать, где квартирует добродетельная супруга Нико-

лая Исаевича Ахвердева; В сию **компанію** французы потеряли до 65000». (Там же, т. 15, с. 92, 101); По полученному сего числа нами от 1746 г. **генерала фельдмаршала графа Лесия** о состоящих в Курляндии полках **репорту** усмотрели мы, что оныя имеют в людях **некомплет**, и много в отлучках показано.; ... ноне повелеваю быт полковнику в **ранге генерала поручика**.» (Псм. Елиз., с. 28); ... после надо **антаблеман болюстрат** говорил, что ежели не делали каменный, то легче деревянный...; А осталось переслать портрет ее величества милостивой государыни; ... а он ко мне теперь прислал о готовности оного **отрепортовать**. (Псм. Мах., с. 481).

Для официальной переписки характерно также использование галлицизмов, несущих свою социально-этическую нагрузку. В прошениях разного рода особенно чувствуется стремление авторов к возвышенному, изящному слогу, отсюда — включение элементов «престижного» языка.

«Милостивый государь, ежели Бог умилосердит сердце ея величества, что по вашей просьбе соизволит **акордовать** мне свою высокую милость, не соизволите ли повелеть оную чрез графа Петра Ивановича в конференции объявить (Псм. Вор., стб. 349); ... я покорно прошу вашего превосходительства быть **гарантом** безкорыстных моих сентиментов; (Там же стб. 350); ... да и в самом деле сей случай никакой **консенвенции** (последствие) по себе иметь не может (Там же. стб. 292); Однако же я надежен, что французский посол, снесясь с Булгаковым поворотит сии дела, чтоб получить у вас **мерит** (награда). (Псм. Екат. II—Пот., с. 243); Больше сего **пропозировать** вам не смею, в разсуждении того, что велик **увраж** (труд, усилие). (Псм. Нов., с. 742). Я весьма надежен за **женерозное** (благородное) сердце вашего превосходительства, прошу милостивое и женерозное свое старание приложить (Псм. Бест.-Рюм., с. 779).

В ситуации неофициального общения возможность выбора почти всегда есть, но французский вариант выражения мысли более предпочтителен. Это связано с одной из главных функций французского языка в России как языка «кастового», как индикатора «высокого» сословия, «благородного» происхождения. Поэтому часто происходит автоматическое переключение на французский язык, который дает лишь возможность подтвердить высокое социальное положение. Далеко не всегда мены связаны с дополнительным смыслом: порой переключение совершенно произвольное, не поддающееся какой-либо стилистической интерпретации, кроме лингвистических норм, принятых в обществе того времени:

Юстиц Коллегия ... никакой **атенциі** (внимание) не делает на повинной, которую Сазонов принес при распросе; К Дмитрию Волкову писать, дабы он **рапортовал** нужных дел, о которых в Сенат пишет (Псм. Ек. II. Олс., с. 87); ... нужно нам ... один день совершенно свободный, в котором бы **атенция** никак не разделялась от главного объекта... (Там же, с. 982); Считая, что Семен Васильевич по сіе время еще не возвратился из Полтавы, не смел я **адресовать** сіе письмо на имя его ...; Если император имеет способы **директно** или **индиректно** довести их до сего первого шага и до изъявления готовности их **трактовать**, ... (Псм. Безб., с. 304); Думаю, что в Тильницком **rendez-vous** утверждено будет ... **гарантирование** друг другу взаимных владений (Псм. Гуд., с. 205); ... чрез сей случай я ласкаю себя иметь удовольствие вас соседом видеть, понеже князь Б. В. должен будет свое село Уское продать за **резонабельную** (разумную) цену... (Псм. Вор., с. 385).

По-видимому, именно благодаря установившимся социолингвистическим нормам в образованных кругах русского общества определенная часть французских лексем устойчиво вытесняет соответствующие русские: **акордовать**,

адресовать, компоновать, рапорт, комплект, некомплект, интрига, депеша и др. Особенно это относится к лексике, передающей наименования увеселительных мероприятий, развлечений:

По милости ея и мы здесь многия забавы имеем при дворе, а именно дважды в неделю спектакль в театре, один день концерт и один день маскарад и куртаг. (Псм. Вор., с. 385); *Сейчас, возвратясь из публичной променады дворцовых садов, я имел удовольствие получить Вашего превосходительства письмо.* (Там же, с. 282).

Достаточно широкую валентность в этой связи приобрело прилагательное **партикулярный** (частный):

Пять шесть сот тысяч рублей не есть кража партикулярная (Бум. Арх., с. 912); *А дело партикулярное сие, то надо в свободные часы* (Псм. Мах., с. 494); ... *но, к удивлению, вы заравно поставляете партикулярные дела с делами моего звания* (Псм. Рум., с. 212); *Примите вы мои в сем мысли в виде партикулярного с вами разговора.* (Там же, с. 213).

Еще одной особенностью функционирования французской лексики в частной переписке является использование ее в качестве своеобразного кода информации, не предназначенной для посторонних:

Я получил... твои письма. Первое после крестин, а другое с известиями о победах Александра Васильевича, об шурше (sic) и о проч. (Псм. Гол.-Кут., с. 509); ... *для чего не берешь к себе генерала, который бы имел мелкой де-тайль...* (Псм. Ек. II — Пот., с. 246); ... *что моего письма, из Берлина отправленного, вы получить не изволили, сие меня крайне удивляет, ибо оно под кувертом князя Голицына в Париж отправлено* (Псм. Вор., с. 381); ... *а впредь предпшите, чтобы без censure их не печатали* (Псм. Ек. II. Олс., с. 194).

подавляющее большинство французских словоупотреблений связано со стремлением ищущего «приблизиться» к возвышенному слогу, изящному и краткому выражению мысли:

За добрый аттестат pour les mūrites non pas naissants mais innūs (за достоинства не врожденные, а приобретенные) *я тебя от всего сердца благодарю* (Псм. Ек. II — Пот., с. 586); *Франция конечно и безспорно находится в слабом состоянии и ищет нашего союза, но колико можно далее себя менажировать* (щадить). (Там же, с. 259); ... *а визирь, спасая свою голову, будет сутенировать, колико ему можно, им начатое...* (Там же, с. 260); ... *а надлежит врагам показать, что нас сюпренировать* (застигнуть врасплох) *не можно и что зубы есть готовые на оборону отечества* (Там же, с. 407); *А первой присланный по сей материи план в полной мере я апробую...* (Там же, с. 417); *Может он не хотел делать параду из своей жены* (Псм. Бант.-Кам., с. 278); *Я не очень к здешней жизни еще привык: для меня очень шумно, и я должен женироваться* (стеснять себя) *для публики* (Псм. Гол.-Кут., с. 512); *Вы, как старожил Парижский, многим ресурсом находите русским вояжиром* (Псм. Вор., с. 386); *Он запретил со мною спорить и велел сказать, что полагается на меня, и что человек с моим воспитанием ему не манкирует* (Псм. Рум., с. 503).

Французские лексемы в русском тексте — сильное выразительное средство, поэтому авторы писем часто прибегают к ним с целью усиления экспрессивности высказывания:

... *ничем не могу жаловаться. кроме глупым, унылым и слабым поведением графа Пушкина и его интригантного генералитета, который перетасовать надобно* (Псм. Ек. II — Пот., с. 205); *Войска же его тамошния, находясь за Перекопом, могли, по обстоятельствам, действовать и умножить наше питтное* (малое) *число* (Там же, с. 460); *О сей свадьбе много толков pour et contre* (за и против). (Псм. Бант.-Кам., с. 274).

В этих же целях нередко употребление усилительных оборотов, концентрирующих внимание адресата.

A propos de cela (что касается этого) Платон Александрович мне отдал Сартиевы хоры, два очень хороши... (Псм. Ек. II—Пот., с. 423).

Наличие галлицизма усиливает иронический смысл высказывания:

Будучи великий жени (гений), ты столько превознесся над малостями, что в трех строках сделал пять ошибок против немецкого языка (Псм. Петр., с. 480); *Я не знаю, кто компоновал графине Браницкой русское письмо такое странное ко мне, что расхохотаться надлежит, лучше бы она запросто писала сама* (Псм. Ек. II—Пот., с. 40); *Вам показалось, она ридикюльна (смешна) оттого, что у вас нету в нарядах столько вкуса, как здесь.* (Псм. Гол.-Кут., с. 513).

В текстах писем многочисленны случаи, когда галлицизмы заменяют русские слова со стилистически сниженной окраской, либо когда их употребление представляется автору неприличным, унижающим достоинство:

В непрерывном коммераже (сплетни) с своим великим государем друг друга учат, что писать (Псм. Безб., с. 308); *Странно, как тебе князь Нассау понравился тогда, когда повсюду имеет репутацию d'un cerveaux brulee (сумасброд)* (Псм. Ек. II—Пот., с. 56); *Конфизии в речах я в самый день свадьбы заметила, но sie я приписывала странной его тогдашней позиции* (Там же, с. 207); *Известно тебе, я чаю, что король английский с ума сошел так совершенно, что четыре человека насилу его держать могут, когда приходит на него раж* (Там же, с. 24); *Что у Каменскаго люди без обуви и рубаш, sie не хорошо, старайся скорее довести иным путем, нежели пресеченным врагами нашими, в угодность капризам прусским* (Там же, с. 25); *Что ты польскаго или, лучше сказать, прусскаго либела пренебрегаешь — о сем нимало не сомневаюсь* (Там же, с. 29); *Когда вице-канцлер Келлеру сказал, что ты все транспорты и магазины выводил из Польши, тогда он деконтенансировался (прийти в замешательство)* (Там же, с. 30).

Галлицизмы в частной переписке часто выступают в качестве форм вежливого обращения, приветствия, пожелания на прощание:

Adieu mon cher ami; portez vous bien (прощай, мой дорогой друг; всего наилучшего) (Псм. Ек. II—Пот., с. 447); *Слушай, Papa, я тебя очень люблю и хочу, чтоб ты был всячески здоров ...* (Там же, с. 449).

Тексты писем изобилуют глаголами с суфф. -ирова-, -ова-: ангажировать, дезавуировать, деконтенансироваться, женироваться, канонировать, компрометировать, конфондировать, манкировать, менажировать, негосировать, провокировать, сутенировать, сформировать, сюрпренировать; адресовать(ся), акордовать, апробовать, бомбардировать, конфирмовать, ретироваться, салютовать, трактовать.

Таким образом, материалы частных переписок свидетельствуют о широком использовании галлицизмов в речи двуязычных представителей русского общества. Наиболее характерной особенностью их функционирования является автоматическое включение данной лексики в контекст русского высказывания без дополнительной смысловой и стилистической нагрузки, в рамках установившегося социолингвистического узуса. В деловой и официальной переписке наблюдается преимущественное употребление галлицизмов в качестве нейтральных наименований предметов, понятий и терминов в соответствии с тематикой излагаемого вопроса, своеобразного кода информации при обсуждении щепетильных качеств, характеристик тех или иных личностей, а также с целью выражения мысли более возвышенным, изящным слогом. В неофициальных же эпистолярных памятниках их функции значительно расширены. Неофициальное общение допускает свободу в выборе лексических средств, поэтому здесь четко

проявляется стремление авторов употреблять галлицизмы в качестве «модных» формул общения. Весьма часто их использование для передачи информации, предназначенной для узкого круга лиц, для выражения иронии, а также замены русских слов со стилистически сниженной окраской. Наряду с этим многочисленны примеры введения стилистически значимых галлицизмов: для усиления экспрессивности высказывания, подчеркивания вежливости при обращении, приветствии, прощании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. А. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII в. Языковые контакты и заимствования. Л.: Наука, 1972.
2. Жанэ Д. К. Французский язык в речи персонажей И. С. Тургенева // Романская филология (Проблемы и материалы). М., 1977. С. 23–48.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. ФС — Фонд А. В. Суворова, № 755.
2. Псм. Елиз. — Письма и записки имп. Елизаветы Петровны. (1741-1761). // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских. М., 1845-1848; 1858-1918.
3. Псм. Мах. — Письма гравера Махаева. (1766 г.) Сообщ. М. Ильина // Литературное наследство, 1933. № 9-10.
4. Псм. Вор. — Письма графа М. А. Воронцова к И. И. Шувалову (1755-1767). Публ. По рукописям, переданным Я. К. Гротом // Русский архив. СПб., 1864.
5. Псм. Екат. II — Пот. — Переписка Екатерины II с кн. Г. А. Потемкиным (1782-1791) // Русская старина. Т. 16. СПб., 1876.
6. Псм. Нов. — Письма Н. И. Новикова к Я. И. Булгакову. (1779-1780). // Русский архив. СПб., 1864.
7. Псм. Бест.-Рюм. — Письма графа М. П. Бестужева-Рюмина к И. И. Шувалову (1745-1759) // Русский архив. СПб., 1863.
8. Псм. Ек. II Олс. — Письма Екатерины II к А. В. Олсуфьеву // Русский архив. СПб., 1876.
9. Псм. Безб. — Григорович Н. И. Канцлер кн. А. А. Безбородко в связи с событиями его времени. Приложения. Письма к отцу (1765-1780) // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 26. СПб., 1879.
10. Псм. Гуд. — Письмо И. В. Гудовича к тестю его графу К. Г. Разумовскому. 24 июня 1791 г. // Русский архив. Кн. 3. СПб., 1876.
11. Бум. Арх. — Из бумаг Н. П. Архарова. Письма к нему разных лиц (1755-1800) // Русский архив. СПб., 1864.
12. Псм. Рум. — Письма графа П. А. Румянцева к разным лицам (1771-1772) // Русская старина. Т. 15. СПб., 1876.
13. Псм. Гол.-Кут. — Письма М. И. Голенищева-Кутузова к жене его, Екатерине Ильиничне, рожд. Бибиковой (1790-1801) // Русская старина. Т. 2. СПб., 1870.
14. Псм. Бант.-Кам. — Московские письма в последние годы царствования. От Н. Н. Бантыша-Каменского к кн. А. Б. Куракину (1791—1795) // Русский архив. Кн. 3. СПб. 1876.

